

<https://www.tikitoki.ru/rassказы-dlya-detey/vitalij-bianki-rassказы-dlja-detey-o-prirode>

Виталий Бианки.

Рассказы для детей о природе

СОДЕРЖАНИЕ:

- Анюткина утка
- Водяной конь
- Глаза и уши
- Как муравьишка домой спешил
- Красная горка
- Кто чем поёт?
- Купание медвежат
- Лис и мышонок
- Мастера без топора
- Первая охота
- Снежная книга
- Сова
- Хитрый лис и умная Уточка

Анюткина утка

От осенних дождей разлилась вода в запруде.

По вечерам прилетали дикие утки. Мельникова дочка Анютка любила слушать, как они плещутся и возятся в темноте.

Мельник часто уходил на охоту по вечерам.

Анютке было очень скучно сидеть одной в избе.

Она выходила на плотину, звала: «Уть-уть, уть!» — и бросала хлебные крошки в воду.

Только утки не плыли к ней. Они боялись Анютки и улетали с запруды, свистя крыльями.

Это огорчало Анютку.

«Не любят меня птицы, — думала она. — Не верят мне».

Сама Анютка очень любила птиц. Мельник не держал ни кур, ни уток. Анютке хотелось приручить хоть какую-нибудь дикую птицу.

Раз поздним осенним вечером мельник вернулся с охоты. Он поставил ружьё в угол и сбросил с плеч мешок.

Анютка кинулась разбирать дичь.

Большой мешок был набит стреляными утками разных пород.

Анютка всех их умела различать по величине и блестящим зеркальцам на крыльях.

В мешке были крупные кряковые утки с фиолетово-синими зеркальцами. Были маленькие чирки-свистунки с зелёными зеркальцами и трескунки — с серыми.

Анютка одну за другой вынимала их из мешка, считала и раскладывала на лавке.

— Сколько насчитала? — спросил мельник, принимаясь за похлёбку.

— Четырнадцать, — сказала Анютка. — Да там будто ещё одна есть!

Анютка запустила руку в мешок и вытащила последнюю утку. Птица неожиданно вырвалась у неё из рук и быстро заковыляла под лавку, волоча разбитое крыло.

— Живая! — вскричала Анютка.

— Давай её сюда, — велел мельник. — Я ей живо шею сверну.

— Тятенька, отдай утку мне, — попросила Анютка.

— На что она тебе? — удивился мельник.

— А я её вылечу.

— Да это ж дикая! Она не станет жить у тебя.

Пристала Анютка: отдай да отдай, — и выпросила утку.

Стала кряква жить в запруде. Анютка привязала её за ногу к кусту.

Хочет утка — в воде плавает, захочет — на берег выйдет. А больное крыло Анютка ей чистой тряпочкой перевязала.

Подошла зима. По ночам воду стало затягивать ледком. Дикая утка больше не прилетала на запруду: улетела на юг.

Анюткина кряква стала тосковать и мёрзнуть под кустом.

Анютка взяла её в избу. Тряпочка, которой Анютка перевязала утке крыло, приросла к кости да так и осталась. И на левом крыле кряквы теперь было не синее с фиолетовым отливом зеркальце, а белая тряпочка. Так Анютка и назвала свою утку: Белое Зеркальце.

Белое Зеркальце больше не дичилась Анютки. Она позволяла девочке гладить её и брать на руки, шла на зов и брала еду прямо из рук.

Анютка очень была довольна. Ей не было теперь скучно, когда отец уходил из дому.

Весной, как только растаял лёд на реке, прилетели дикие утки. Анютка опять привязала Белое Зеркальце на длинную верёвку и пустила в запруду. Белое Зеркальце верёвку стала щипать клювом, кричала и рвалась улететь с дикими утками.

Анютке стало жалко её. Но жалко было и расставаться с ней. Однако Анютка рассудила так: «Что ж силком её держать? Крыло у ней зажило, весна, она хочет детей выводить. А вспомнит меня, так вернётся».

И отпустила Белое Зеркальце на все четыре стороны. А отцу сказала: — Ты, как будешь уток бить, зорко гляди, не мелькнёт ли на крыле белая тряпочка. Не застрели Белое Зеркальце!

Мельник только руками всплеснул:

— Ну, хозяйка! Сама своё хозяйство разорвет. А я думал: вот съезжу в город, селезня куплю, — Анюткина утка детей нам выведет.

Смутилась Анютка.

— Ты ничего мне про селезня не говорил. Да ведь, может, не поживётся Белому Зеркальцу на воле, так она ещё назад воротится.

— Дура ты, дура, Анютка! Где ж это видано, чтобы дикая птица назад в неволю ворочалась? Как волка ни корми, он всё в лес смотрит.

Попадёт теперь твоя утка ястребу в когти — и поминай как звали!

Тепло прибывало быстро. Река разлилась, затопила кусты на берегу.

Полилась вода дальше, затопила лес.

Уткам плохо пришлось в тот год: пора нестись, а земля вся в воде негде гнезда выстроить.

Зато Анютке весело: лодка есть — плыви куда хочешь.

Поплыла Анютка в лес. Увидела в лесу старое дуплистое дерево.

Стукнула веслом по стволу, а из дупла кряковая утка — шась! — и прямо на воду у самой лодки. Повернулась боком. Анютка глядит — и глазам не верит: на крыле белая тряпочка! Хоть грязная стала, а всё заметна.

— Уть, уть! — кричит Анютка. — Белое Зеркальце!

А утка от неё. Плещется в воде, словно подшибленная.

Анютка за ней на лодке. Гналась-гналась — уж из лесу выбралась. Тут Белое Зеркальце поднялась на крылья жива, здоровёшенька — и назад в лес.

«Хитришь ты! — думает Анютка. — Да меня не проведёшь: ведь это ты от гнезда меня отводишь!»

Вернулась назад, разыскала старое дерево.

Заглянула в дупло, — а там, на доньшке, двенадцать продолговатых яиц зеленоватого цвета.

«Ишь хитрая! — думает Анютка. — Ведь вот где догадалась гнездо устроить, чтобы водой не достало!»

Вернулась Анютка домой, отцу рассказала, что Белое Зеркальце в лесу видела, а про дупло — молчок. Побоялась, как бы мельник гнезда не разорил.

Скоро вода спала.

Анютка заметила, что Белое Зеркальце в полдень летает на реку кормиться. Тепло в этот час, и яйца в гнезде не стынут.

Чтобы не пугать даром птицу в гнезде, Анютка забегала прежде на реку. Знала уж, где в камышах любила кормиться Белое Зеркальце. Уверится, что утка здесь, и бежит в лес глядеть, — не вывелись ли в дупле утята?

Раз Анютка только высмотрела на воде Белое Зеркальце, — вдруг мчится по воздуху большой серый ястреб — и прямо на утку.

Вскрикнула Анютка, да уж поздно: ястреб впился когтями в спину Белому Зеркальцу.

«Пропала моя уточка!» — думает Анютка.

А Белое Зеркальце нырк под воду и ястреба за собой потащила.

Ястреб окунулся с головой. Видит — дело плохо: не совладать ему под водой с уткой. Разжал когти и улетел.

Анютка так и ахнула:

— Ну умница! Что за умница! Из ястребиных когтей вырвалась!

Ещё прошло несколько дней.

Прибежала Анютка на реку, — нет Белого Зеркальца!

Спряталась в кусты, набралась терпенья — ждёт.

Наконец летит утка из лесу; в лапах у неё жёлтенький комок.

Спустилась на воду.

Глядит Анютка: рядом с Белым Зеркальцем пушистый жёлтенький утёнок плавает.

«Вывелись утятки! — обрадовалась Анютка. — Теперь Белое Зеркальце всех из дупла на речку перетаскает!»

Так и есть: утка поднялась и полетела в лес за другим птенцом.

Анютка всё сидит под кустом, — ждёт, что дальше будет.

Вылетела из лесу ворона. Летит, по сторонам поглядывает, — где бы чего на обед промыслить?

Заметила у берега утёнка — стрелой к нему. Раз, раз! — клювом по голове, убила, разорвала на куски и съела.

Анютка остолбенела — и крикнуть не догадается. Ворона опять в лес — и спряталась на дереве.

А Белое Зеркальце летит уж со вторым утёнком.

Спустила его на реку, ищет первого, кричит — зовёт. Нет нигде!

Плавала-плавала, все камыши обшарила, — нашла только пух.

Поднялась на крылья и помчалась в лес.

«Ах, глупая! — думает Анютка. — Опять ведь ворона прилетит, твоего утёнка разорвёт».

Не успела подумать, глядит: утка круг дала, подлетела из-за кустов назад к реке, шмыгнула в камыш — и спряталась там.

Через минуту летит ворона из лесу — и прямо к утёнку.

Тюк носом! — и давай рвать.

Тут Белое Зеркальце выскочила из камыша, коршуном налетела на ворону, схватила за горло и тащит под воду.

Закружились, заплескали птицы крыльями по воде — только брызги летят во все стороны!

Анютка выскочила из-под куста, глядь: Белое Зеркальце в лес улетает, а ворона мёртвая на воде лежит.

Долго не уходила Анютка с реки в тот день. Видела, как Белое Зеркальце остальных десять утят в камыш перетаскала.

Успокоилась Анютка:

«Теперь, — думает, — не боюсь я за Белое Зеркальце: она и за себя постоять умеет, и детей своих в обиду не даст».

Пришёл август месяц.

С утра на реке палили охотники: начиналась охота на уток.

Весь день Анютка не находила себе места: «А ну, как убьют охотники Белое Зеркальце?»

С темнотой палить перестали.

Анютка забралась на сеновал спать.

Только заснула, вдруг голоса на дворе.

— Кто тут? — мельник кричит из избы.

— Охотники! — отвечают.

— Чего вам?

— Пусти на сеновале переночевать!

— Ночуйте, пожалуй. Да смотрите, как бы огня не заронить в сено!

— Не бойсь, некурящие!

Заскрипели двери сарая, и охотники полезли на сено.

Анютка забилась в угол, сама слушает.

— Здорово набили! — говорит один охотник. — У тебя сколько?

— Шесть штук, — отвечает другой. — Все шлепунцы.

— У меня восемь. Одну было матку чуть не стукнул. Собака нашла выводку. Матка поднялась, гляжу: что-то будто белое у неё на крыле, вроде бы тряпочка. Рот разинул, да и прозевал. Двух молодых собака задавила с этой выводки. Айда утром опять на то место: матку убьём

— шлепунцы все наши будут!

— Ладно, пойдём.

Лежит Анютка в сене ни жива ни мертва. Думает:

«Так и есть! Нашли охотники Белое Зеркальце с утятами. Как быть?»

Решила Анютка ночь не спать, а чуть свет бежать на реку, — не дать охотникам Белое Зеркальце убить.

Полночи ворочалась, сон от себя гнала.

А под утро сама не заметила, как заснула.

Просыпается, а уж на реке палят.

— Нет больше моего Белого Зеркальца! Убили тебя охотники!

Идёт к реке, ничего перед собой не видит: слезы свет застилают.

Дошла до плотины, думает:

«Вот тут моя уточка плавала. И зачем я её отпустила?»

Глянула на воду, — а по воде Белое Зеркальце плывёт и восемь утятков за собой ведёт.

Анютка: «Уть, уть, уть!»

А Белое Зеркальце: «Ваак! Ваак!» — и прямо к ней.

Палят на реке охотники. А утка с утятами у самой мельницы плавает. Анютка хлеб крошит, в воду им бросает. Так и осталась Белое Зеркальце жить у Анютки в запруде. Поняла, видно, что Анютка в обиду её не даст. Потом птенцы подросли, летать выучились, разбрелись по всей речке. Тогда и Белое Зеркальце с запруды улетела. А на следующий год, только вывела жёлтеньких утят, сейчас привела их в запруду — и к Анютке. Теперь уже все охотники кругом Белое Зеркальце знают, не трогают её и зовут Анюткиной уткой.

Водяной конь

На широкой-широкой сибирской реке выбирал старик сети, полные рыбой. Внук ему помогал. Вот набили они лодку рыбой, закинули сети опять и поплыли к берегу. Старик гребёт, внук правит, вперёд глядит. И видит — плывёт навстречу коряга не коряга, словно бы пень, и на нём два больших, как у орла, каменных крыла. Плывёт и громко фыркает... Испугался внук и говорит: — Дедка, а дедка! Там что-то страшное плывёт да фыркает... Старик обернулся, приставил руку к глазам, как козырёк, смотрел, смотрел и говорит: — Это зверь плывёт. Внук ещё больше испугался: — Гребь, дедка, шибче. Убежим от него. А дед не хочет, говорит: — Это зверь сухопутный, в воде он нам ничего не сделает. Вот я его сейчас запрягу. И погнал лодку наперерез зверю. Ближе да ближе, — внуку уже видно: не пень это, а большая горбоносая голова, на ней рожищи широкие, как крылья. Голова старого Лося-сохатого. Ростом он больше коня и сильный страшно, сильнее медведя. Ещё больше испугался внук. Он схватил со дна лодки поколюку-копё, протягивает деду: — Бери, дедка, поколюку, бей зверя крепче.

Не взял старик поволоку-копье. Взял две верёвки.

Одну накинул зверю на правый рог, другую — на левый рог; привязал зверя к лодке.

Страшно зафыркал зверь, замотал головой, глаза кровью налились. А сделать ничего не может: ноги у него в воде болтаются, до дна не достают. Опереться ему не на что — и верёвок разорвать не может. Плывёт зверь и лодку за собой тащит.

— Видишь, — говорит старик, — вот нам и конь. Сам нас к берегу везёт. А убил бы я поволокой зверя, нам с тобой пришлось бы его до дому тащить, из сил выбиваться.

И верно: тяжёл зверь, тяжелей лодки со стариком и внуком и всей их рыбой.

Фыркает зверь, плывёт — к берегу рвётся. А старик верёвками, как вожжами, управляет им: за одну потянет — зверь вправо поворачивает, за другую — зверь влево. И внук уже не боится зверя, только радуется, что такой у них конь в упряжке.

Ехали так, ехали старик с внуком, — вот уже и берег близко, а на берегу избушка их виднеется.

— Ну, — говорит старик, — давай теперь поволоку, внучек. Пора зверя колоть. Был он нам конём, теперь мясом будет — лосятиной.

А внук просит:

— Обожди, дедка, — пусть ещё прокатит. Не каждый день на таких конях ездим.

Ещё проехали. Старик опять поволоку-копье поднимает. Внук опять его просит:

— Не бей, дедка, успеешь. Будет нынче у нас сытный обед из лосятины. А перед обедом на водяном коне всласть покатаемся.

А берег уже вот он — рукой подать.

— Пора, — говорит старик, — натешились.

И поволоку-копье поднимает. Внук за поволоку держится, не даёт зверя колоть:

— Ну ещё, ну хоть капельку ещё прокатимся!

Тут вдруг достал зверь ногами до дна. Разом выросла из воды могучая шея, спина горбом, крутые бока. Встал старый Лось во весь свой богатырский рост, упёрся ногами в песок, рванул...

Лопнули обе верёвки. Лодка о камни с размаху — трах. Опомнились старик и внук по пояс в воде.

Кругом только щепки плавают.

И лодки нет. И рыбы нет. И лосятина в лес убежала.

Глаза и уши

Жил Инквой-Бобёр на извилистой лесной речке. Хороша у Бобра хата: сам деревья пилил, сам их в воду таскал, сам стены и крышу складывал.

Хороша у Бобра шуба: зимой тепло, и в воде тепло, и ветер не продувает.

Хороши у Бобра уши: плеснёт в речке рыба хвостом, упадёт лист в лесу всё слышат.

А вот глаза у Бобра подгуляли: слабые глаза. Подслеповат Бобёр, и на сто коротеньких бобриных шагов не видит.

А в соседях у Бобра на светлом лесном озерке жил Хоттын-Лебедь.

Красивый был и гордый, ни с кем дружить не хотел, даже здоровался нехотя. Поднимет белую шею, окинет взглядом с высоты соседа — ему кланяются, он чуть кивнёт в ответ.

Вот раз случилось, работает Инквой-Бобёр на берегу речки, трудится: осины зубами пилит. Подпилит кругом до половины, ветер налетит и свалит осину. Инквой-Бобёр её на брёвнышки распилит и тащит на себе брёвнышко за брёвнышком к речке. На спину себе взвалит, одной лапой придерживает брёвнышко, — совсем как человек идёт, только трубки в зубах нет.

Вдруг видит — по речке Хоттын-Лебедь плывёт, совсем близко.

Остановился Инквой-Бобёр, брёвнышко с плеча скинул и вежливо сказал:

— Узя-узя!

Здравствуй, значит.

Лебедь гордую шею поднял, чуть головой кивнул в ответ и говорит:

— Близко же ты меня увидал! Я тебя ещё от самого поворота речки заметил. Пропадёшь ты с такими глазами.

И стал насмехаться над Инквой-Бобром:

— Тебя, слепыша, охотники голыми руками поймают и в карман положат.

Инквой-Бобёр слушал, слушал и говорит:

— Спору нет, видишь ты лучше меня. А вот слышишь ты тихий плеск вон там, за третьим поворотом речки?

Хоттын-Лебедь прислушался и говорит:

— Выдумываешь, никакого плеска нет. Тихо в лесу.

Инквой-Бобёр подождал, подождал и опять спрашивает:

— Теперь слышишь плеск?

— Где? — спрашивает Хоттын-Лебедь.

— А за вторым поворотом речки, на втором пустоплезье.

— Нет, — говорит Хоттын-Лебедь, — ничего не слышу. Всё тихо в лесу.

Инквой-Бобёр ещё подождал. Опять спрашивает:

— Слышишь?

— Где?

— А вон за мысом, на ближнем пустоплезье!

— Нет, — говорит Хоттын-Лебедь, — ничего не слышу. Тихо в лесу.

Нарочно выдумываешь.

— Тогда, — говорит Инквой-Бобёр, — прощай. И пускай тебе так же послужат твои глаза, как мне мои уши служат.

Нырнул в воду и скрылся.

А Хоттын-Лебедь поднял свою белую шею и гордо посмотрел вокруг: он подумал, что его зоркие глаза всегда вовремя заметят опасность, — и ничего не боялся.

Тут из-за леса выскочила лёгонькая лодочка — айхой. В ней сидел Охотник.

Охотник поднял ружьё — и не успел Хоттын-Лебедь взмахнуть крыльями, как грохнул выстрел.

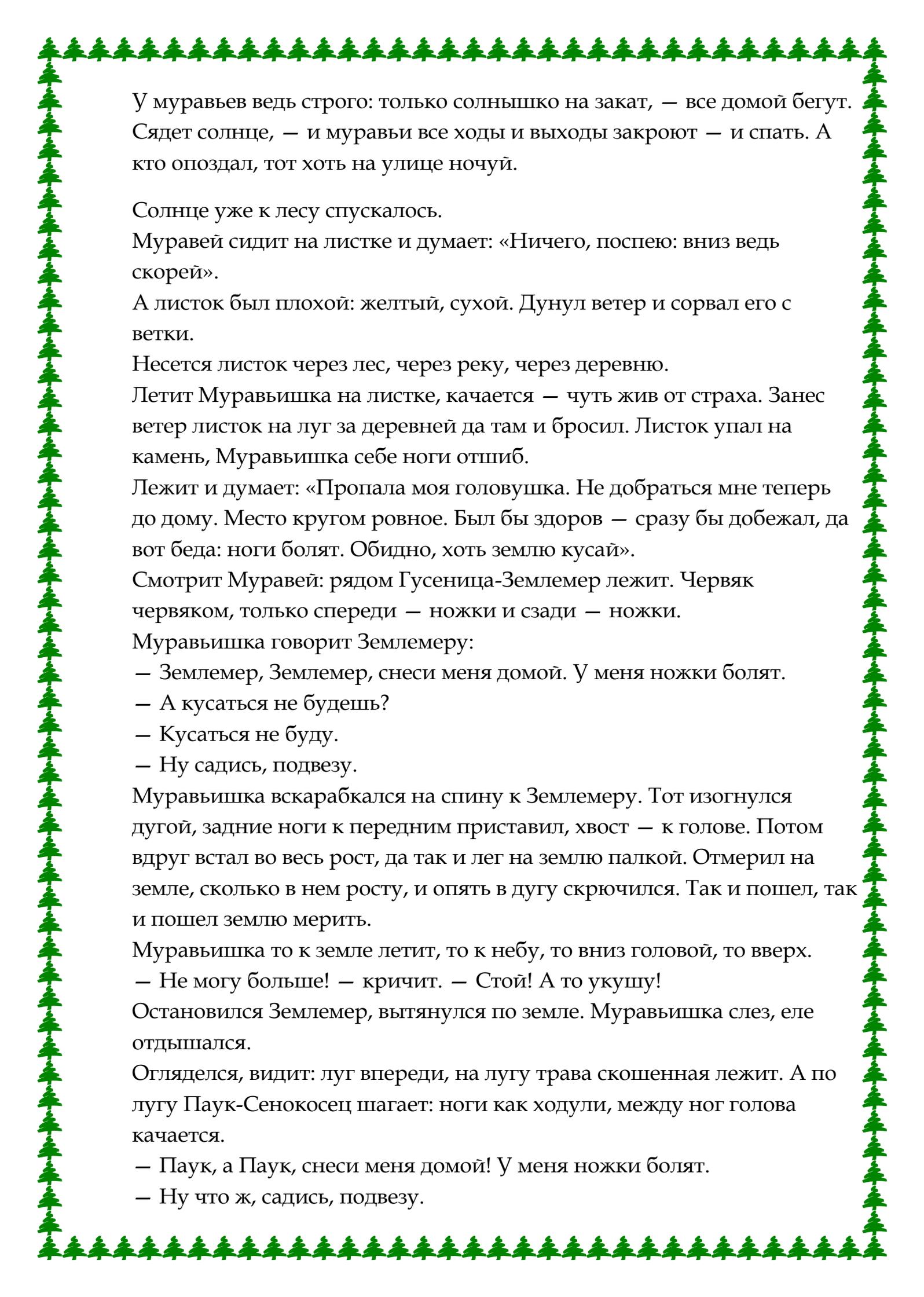
И свалилась гордая голова Хоттын-Лебедея в воду.

Вот и говорят ханты — лесные люди: «В лесу первое дело — уши, глаза второе».

Как муравьишка домой спешил

Залез Муравей на березу. Долез до вершины, посмотрел вниз, а там, на земле, его родной муравейник чуть виден.

Муравьишка сел на листок и думает: «Отдохну немножко — и вниз».

У муравьев ведь строго: только солнышко на закат, — все домой бегут. Сядет солнце, — и муравьи все ходы и выходы закроют — и спать. А кто опоздал, тот хоть на улице ночуй.

Солнце уже к лесу спускалось.

Муравей сидит на листке и думает: «Ничего, поспею: вниз ведь скорей».

А листок был плохой: желтый, сухой. Дунул ветер и сорвал его с ветки.

Несется листок через лес, через реку, через деревню.

Летит Муравьишка на листке, качается — чуть жив от страха. Занес ветер листок на луг за деревней да там и бросил. Листок упал на камень, Муравьишка себе ноги отшиб.

Лежит и думает: «Пропала моя головушка. Не добраться мне теперь до дому. Место кругом ровное. Был бы здоров — сразу бы добежал, да вот беда: ноги болят. Обидно, хоть землю кусай».

Смотрит Муравей: рядом Гусеница-Землемер лежит. Червяк червяком, только спереди — ножки и сзади — ножки.

Муравьишка говорит Землемеру:

- Землемер, Землемер, снеси меня домой. У меня ножки болят.
- А кусаться не будешь?
- Кусаться не буду.
- Ну садись, подвезу.

Муравьишка вскарабкался на спину к Землемеру. Тот изогнулся дугой, задние ноги к передним приставил, хвост — к голове. Потом вдруг встал во весь рост, да так и лег на землю палкой. Отмерил на земле, сколько в нем росту, и опять в дугу скрючился. Так и пошел, так и пошел землю мерить.

Муравьишка то к земле летит, то к небу, то вниз головой, то вверх.

- Не могу больше! — кричит. — Стой! А то укушу!

Остановился Землемер, вытянулся по земле. Муравьишка слез, еле отдышался.

Огляделся, видит: луг впереди, на лугу трава скошенная лежит. А по лугу Паук-Сенокосец шагает: ноги как ходули, между ног голова качается.

- Паук, а Паук, снеси меня домой! У меня ножки болят.
- Ну что ж, садись, подвезу.

Пришлось Муравьишке по паучьей ноге вверх лезть до коленки, а с коленки вниз спускаться Пауку на спину: коленки у Сенокосца торчат выше спины.

Начал Паук свои ходули переставлять — одна нога тут, другая там; все восемь ног, будто спицы, в глазах у Муравьишки замелькали. А идет Паук не быстро, брюхом по земле чиркает. Надоела Муравьишке такая езда. Чуть было не укусил он Паука. Да тут, на счастье, вышли они на гладкую дорожку.

Остановился Паук.

— Слезай, — говорит. — Вон Жужелица бежит, она резвей меня.

Слез Муравьишка.

— Жужелка, Жужелка, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Садись, прокачу.

Только успел Муравьишка вскарабкаться Жужелице на спину, она как пустится бежать! Ноги у нее ровные, как у коня.

Бежит шестиногий конь, бежит, не трясет, будто по воздуху летит.

Вмиг домчались до картофельного поля.

— А теперь слезай, — говорит Жужелица. — Не с моими ногами по картофельным грядкам прыгать. Другого коня бери.

Пришлось слезть.

Картофельная ботва для Муравьишки — лес густой. Тут и со здоровыми ногами — целый день бежать. А солнце уж низко.

Вдруг слышит Муравьишка, пищит кто-то:

— А ну, Муравей, полезай ко мне на спину, поскачем.

Обернулся Муравьишка — стоит рядом Жучок-Блошачок, чуть от земли видно.

— Да ты маленький! Тебе меня не поднять.

— А ты-то большой! Лезь, говорю.

Кое-как уместился Муравей на спине у Блошачка. Только-только ножки поставил.

— Влез?

— Ну, влез.

— А влез, так держись.

Блошачок подобрал под себя толстые задние ножки — а они у него как пружинки, складные — да щелк! — распрямил их. Глядь, уж он на грядке сидит. Щелк! — на другой. Щелк! — на третьей.

Так весь огород и отщелкал до самого забора.

Муравьишка спрашивает:

— А через забор можешь?

— Через забор не могу: высок очень. Ты Кузнечика попроси: он может.

— Кузнечик, Кузнечик, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Садись на загривок.

Сел Муравьишка Кузнечику на загривок.

Кузнечик сложил свои длинные задние ноги пополам, потом разом выпрямил их и подскочил высоко в воздух, как Блошачок. Но тут с треском развернулись у него за спиной крылья, перенесли Кузнечика через забор и тихонько опустили на землю.

— Стоп! — сказал Кузнечик. — Приехали.

Муравьишка глядит вперед, а там широкая река: год по ней плыви — не переплывешь.

А солнце еще ниже.

Кузнечик говорит:

— Через реку и мне не перескочить: очень уж широкая. Стой-ка, я Водомерку кликну: будет тебе перевозчик.

Затрепал по-своему, глядь — бежит по воде лодочка на ножках.

Подбежала. Нет, не лодочка, а Водомерка-Клоп.

— Водомер, Водомер, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Ладно, садись, перевезу.

Сел Муравьишка. Водомер подпрыгнул и зашагал по воде, как посуху.

А солнце уж совсем низко.

— Миленький, шибче! — просит Муравьишка. — Меня домой не пустят.

— Можно и пошибче, — говорит Водомер.

Да как припустит! Оттолкнется, оттолкнется ножками и катит-скользит по воде, как по льду. Живо на том берегу очутился.

— А по земле не можешь? — спрашивает Муравьишка.

— По земле мне трудно, ноги не скользят. Да и гляди-ка: впереди-то лес. Ищи себе другого коня.

Посмотрел Муравьишка вперед и видит: стоит над рекой лес высокий, до самого неба. И солнце за ним уже скрылось. Нет, не попасть Муравьишке, домой!

— Гляди, — говорит Водомер, — вот тебе и конь ползет.

Видит Муравьишка: ползет мимо Майский Хрущ — тяжелый жук, неуклюжий жук. Разве на таком коне далеко ускачешь?

Все-таки послушался Водомера.

— Хрущ, Хрущ, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— А ты где живешь?

— В муравейнике за лесом.

— Далеконько... ну, что с тобой делать? Садись, довезу.

Полез Муравьишка по жесткому жучьему боку.

— Сел, что ли?

— Сел.

— А куда сел?

— На спину.

— Эх, глупый! Полезай на голову.

Влез Муравьишка Жуку на голову. И хорошо, что не остался на спине: разломил Жук спину надвое, два жестких крыла приподнял. Крылья у Жука точно два перевернутых корыта, а из-под них другие крылышки лезут, разворачиваются: тоненькие, прозрачные, шире и длиннее верхних.

Стал Жук пыхтеть, надуваться: «Уф! Уф! Уф!»

Будто мотор заводит.

— Дяденька, — просит Муравьишка, — поскорей! Миленький, поживей!

Не отвечает Жук, только пыхтит: «Уф! Уф! Уф!»

Вдруг затрепетали тонкие крылышки, заработали. «Жжж! Тук-тук-тук!..» поднялся Хрущ на воздух. Как пробку, выкинуло его ветром вверх — выше леса.

Муравьишка сверху видит: солнышко уже краем землю зацепило.

Как помчал Хрущ — у Муравьишки даже дух захватило.

«Жжж! Тук-тук-тук!» — несется Жук, буравит воздух, как пуля.

Мелькнул под ним лес — и пропал.

А вот и береза знакомая, и муравейник под ней.

Над самой вершиной березы выключил Жук мотор и — шлеп! — сел на сук.

— Дяденька, миленький! — взмолился Муравьишка. — А вниз-то мне как? У меня ведь ножки болят, я себе шею сломаю.

Сложил Жук тонкие крылышки вдоль спины. Сверху жесткими корытцами прикрыл. Кончики тонких крыльев аккуратно под корытца убрал.

Подумал и говорит:

— А уж как тебе вниз спуститься, — не знаю. Я на муравейник не полечу: уж очень больно вы, муравьи, кусаетесь. Добирайся сам, как знаешь.

Глянул Муравьишка вниз, а там, под самой березой, его дом родной.

Глянул на солнышко: солнышко уже по пояс в землю ушло.

Глянул вокруг себя: сучья да листья, листья да сучья.

Не попасть Муравьишке домой, хоть вниз головой бросайся! Вдруг видит: рядом на листке Гусеница Листовертка сидит, шелковую нитку из себя тянет, тянет и на сучок мотает.

— Гусеница, Гусеница, спусти меня домой! Последняя мне минуточка осталась — не пустят меня домой ночевать.

— Отстань! Видишь, дело делаю: пряжу пряду.

— Все меня жалели, никто не гнал, ты первая!

Не удержался Муравьишка, кинулся на нее да как куснет!

С перепугу Гусеница лапки поджала да кувырк с листа — и полетела вниз.

А Муравьишка на ней висит — крепко вцепился. Только недолго они падали: что-то их сверху — дерг!

И закачались они оба на шелковой ниточке: ниточка-то на сучок была намотана.

Качается Муравьишка на Листовертке, как на качелях. А ниточка всё длинней, длинней, длинней делается: выматывается у Листовертки из брюшка, тянется, не рвется. Муравьишка с Листоверткой всё ниже, ниже, ниже опускаются.

А внизу, в муравейнике, муравьи хлопочут, спешат, входы-выходы закрывают.

Все закрыли — один, последний, вход остался. Муравьишка с Гусеницы кувырк-и домой!

Тут и солнышко зашло.

Красная горка

Чик был молодой красноголовый воробей. Когда ему исполнился год от рождения, он женился на Чирике и решил зажить своим домком.

— Чик, — сказала Чирика на воробьином языке, — Чик, а где же мы устроим себе гнездо? Ведь все дупла в нашем саду уже заняты.

— Эка штука! — ответил Чик, тоже, конечно, по-воробьиному. — Ну, выгоним соседей из дому и зай-мём их дупло.

Он очень любил драться и обрадовался такому удобному случаю показать Чирике свою удачу. И, раньше чем робкая Чирика успела его остановить, он сорвался с ветки и помчался к большой рябине с дуплом. Там жил его сосед такой же молодой воробей, как Чик. Хозяина около дома не было.

«Заберусь в дупло, — решил Чик, — а когда прилетит хозяин, буду кричать, что он хочет отбить у меня дом. Слетятся старики — и вот зададим соседу!»

Он и забыл совсем, что сосед женат и жена его уже пятый день мастерит гнездо в дупле.

Только Чик просунул в дырку голову, — рраз! — кто-то больно щёлкнул его по носу. Пискнул Чик и отскочил от дупла. А сзади уже мчался на него сосед.

С криком сшиблись они в воздухе, упали на землю, сцепились и покатались в канаву.

Чик дрался на славу, и соседу его приходилось уже плохо. Но на шум драки со всего сада слетелись старики воробьи. Они сейчас же разобрали, кто прав, кто виноват, и задали Чику такую встрёпку, что он не помнил, как и вырвался от них.

В себя пришёл Чик в каких-то кустах, где прежде ему никогда не случалось бывать. Все косточки у него ныли.

Рядом с ним сидела перепуганная Чирика.

— Чик! — сказала она так грустно, что он, верно бы, расплакался, если б только воробьи умели плакать. — Чик, мы теперь никогда больше не вернёмся в родной сад! Где мы выведем теперь детей?

Чик и сам понимал, что ему нельзя больше попадаться на глаза старикам воробьям: они забьют его насмерть. Всё-таки он не хотел показать Чирике, что трусит. Поправил клювом свои растрёпанные пёрышки, немножко отдышался и сказал беспечно:

— Эка штука! Найдём себе другое место, ещё получше.

И они отправились куда глаза глядят — искать себе новое место для житья.

Только вылетели они из кустов, как очутились на берегу весёлой голубой реки. За рекой поднималась высокая-высокая гора из красной глины и песка. Под самой вершиной обрыва виднелось множество дырок и норок. У больших дырок сидели парочками галки и рыжие соколки-пустельги; из маленьких норок то и дело вылетали быстрые ласточки-береговушки. Целая стая их лёгкой тучкой носилась над обрывом.

— Смотри, как у них весело! — сказала Чирика. — Давай и мы устроим себе гнездо на Красной горке.

Чик с опаской поглядел на соколов и галок. Он думал: «Хорошо береговушкам: они сами копают себе норки в песке. А мне чужое гнездо отбивать?» И снова у него заныли сразу все косточки.

— Нет, — сказал он, — тут мне не нравится: такой шум, прямо оглохнуть можно.

И они полетели дальше. Дальше была роща, а за рощей — домик с дощатым сараем.

Чик и Чирика опустились на крышу сарая. Чик сразу заметил, что тут нет ни воробьёв, ни ласточек.

— Вот где житьё-то! — радостно сказал он Чирике. — Гляди, сколько разбросано по двору зерна и крошек. Мы будем тут одни и никого к себе не пустим.

— Чш! — шикнула Чирика. — Смотри, какое страшилище там, на крыльце.

И правда: на крыльце спал толстый Рыжий Кот.

— Эка штука! — храбро сказал Чик. — Что он нам сделает? Гляди, вот как я его сейчас!..

Он слетел с крыши и так стремительно понёсся на Кота, что Чирика даже вскрикнула.

Но Чик ловко подхватил у Кота из-под носа хлебную крошку и — раз! опять уже был на крыше.

Кот даже не шевельнулся, только приоткрыл один глаз и зорко поглядел на забияку.

— Видела? — хвастал Чик. — А ты боишься!

Чирика не стала с ним спорить, и оба принялись искать удобное место для гнезда.

Выбрали широкую щель под крышей сарая. Сюда принялись они таскать сначала солому, потом конский волос, пух и перья.

Не прошло и недели, как Чирика положила в гнездо первое яичко — маленькое, всё в розовато-бурых пестринках. Чик был так рад ему, что сложил даже песенку в честь своей жены и самого себя:

Чирик, Чик-чик,

Чирик, Чик-чик,

Чики-чики-чики-чики,

Чики, Чик, Чирик!

Песенка эта решительно ничего не значила, зато её так удобно было распевать, прыгая по забору.

Когда в гнезде стало шесть яичек. Чирика села их высидывать.

Чик полетел собирать для неё червячков и мух, потому что теперь её надо было кормить нежной пищей. Он замешкался немного, и Чирике захотелось поглядеть, где он.

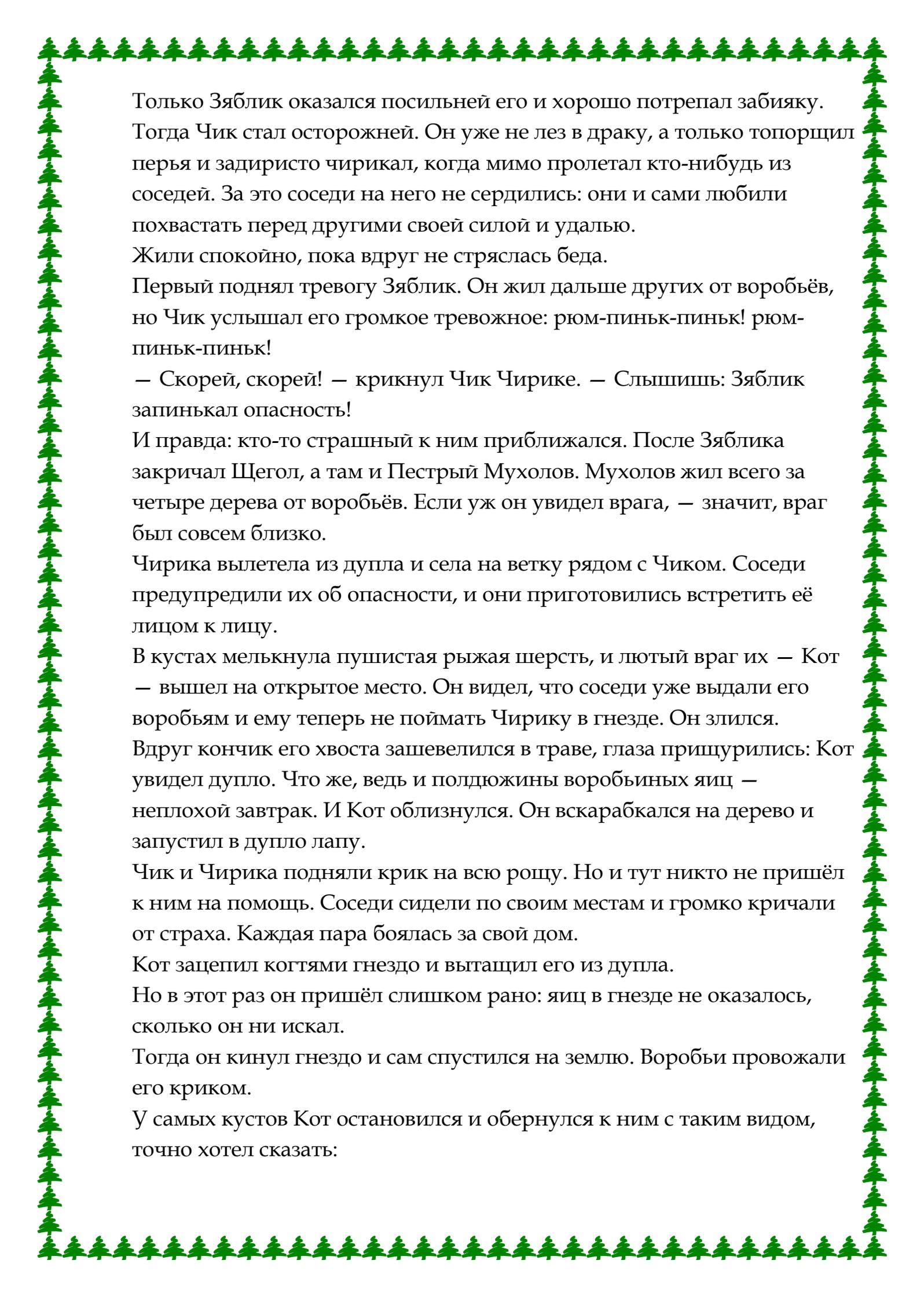
Только она высунула нос из щели, как с крыши протянулась за ней рыжая лапа с растопыренными когтями. Рванулась Чирика — и целый пучок перьев оставила в когтях у Кота. Ещё чуть-чуть — и была бы её песенка спета.

Кот проводил её глазами, запустил в щель лапу и выволок разом всё гнездо целый ком соломы, перьев и пуха. Напрасно кричала Чирика, напрасно подоспевший Чик смело кидался на Кота, — никто не пришёл им на помощь. Рыжий разбойник преспокойно съел все шесть их драгоценных яичек. Ветер поднял пустое лёгкое гнездо и скинул его с крыши на землю.

В тот же день воробьи навсегда покинули сарай и переселились в рощу, подальше от Рыжего Кота.

В роще им скоро посчастливилось найти свободное дупло. Они снова принялись таскать солому и целую неделю трудились, строили гнездо.

В соседях у них жили толстоклювый и франтоватый Щегол со Щеглихой, пёстрые Мухолов с Мухоловкой. У каждой пары был свой дом, пищи хватало всем, но Чик успел уже подраться с соседями — просто так, чтобы показать им, какой он храбрый и сильный.

Только Зяблик оказался посильней его и хорошо потрепал забияку. Тогда Чик стал осторожней. Он уже не лез в драку, а только топорщил перья и задиристо чирикал, когда мимо пролетал кто-нибудь из соседей. За это соседи на него не сердились: они и сами любили похвастать перед другими своей силой и удалью.

Жили спокойно, пока вдруг не стряслась беда.

Первый поднял тревогу Зяблик. Он жил дальше других от воробьёв, но Чик слышал его громкое тревожное: рюм-пиньк-пиньк! рюм-пиньк-пиньк!

— Скорей, скорей! — крикнул Чик Чирике. — Слышишь: Зяблик запинькал опасность!

И правда: кто-то страшный к ним приближался. После Зяблика закричал Щегол, а там и Пестрый Мухолов. Мухолов жил всего за четыре дерева от воробьёв. Если уж он увидел врага, — значит, враг был совсем близко.

Чирика вылетела из дупла и села на ветку рядом с Чиком. Соседи предупредили их об опасности, и они приготовились встретить её лицом к лицу.

В кустах мелькнула пушистая рыжая шерсть, и лютый враг их — Кот — вышел на открытое место. Он видел, что соседи уже выдали его воробьям и ему теперь не поймать Чирику в гнезде. Он злился.

Вдруг кончик его хвоста зашевелился в траве, глаза прищурились: Кот увидел дупло. Что же, ведь и полдюжины воробьиных яиц — неплохой завтрак. И Кот облизнулся. Он вскарабкался на дерево и запустил в дупло лапу.

Чик и Чирика подняли крик на всю рощу. Но и тут никто не пришёл к ним на помощь. Соседи сидели по своим местам и громко кричали от страха. Каждая пара боялась за свой дом.

Кот зацепил когтями гнездо и вытащил его из дупла.

Но в этот раз он пришёл слишком рано: яиц в гнезде не оказалось, сколько он ни искал.

Тогда он кинул гнездо и сам спустился на землю. Воробьи провожали его криком.

У самых кустов Кот остановился и обернулся к ним с таким видом, точно хотел сказать:

«Погодите, миленькие, погодите! Никуда вы от меня не денетесь! Устраивайте себе новое гнездо, где хотите, выводите птенцов, а я приду и слопаю их, да и вас заодно».

И он так грозно фыркнул, что Чирика вздрогнула от страха.

Кот ушёл, а Чик с Чирикой остались горевать у разорённого гнезда.

Наконец Чирика сказала:

— Чик, ведь через несколько дней у меня непременно будет новое яичко. Летим скорей, найдём себе местечко где-нибудь за рекой. Там уж Кот не достанет нас.

Она и не знала, что через реку есть мост и что Кот частенько хаживает по этому мосту. Чик этого тоже не знал.

— Летим, — согласился он. И они полетели.

Скоро очутились они под самой Красной горкой.

— К нам, к нам летите! — кричали им береговушки на своём, на ласточкином языке. — У нас на Красной горке житьё дружное, весёлое.

— Да, — крикнул им Чик, — а сами драться будете!

— Зачем нам драться? — отвечали береговушки. — У нас над рекой мошек на всех хватает, у нас на Красной горке пустых норок много — выбирай любую.

— А пустельги? А галки? — не унимался Чик.

— Пустельги ловят себе в полях кузнечиков и мышей. Нас они не трогают. Мы все в дружбе.

И Чирика сказала:

— Летали мы с тобой, Чик, летали, а краше этого места не видели.

Давай тут жить.

— Что ж, — сдался Чик, — раз норки у них есть свободные и драться никто не будет, можно попробовать.

Подлетели они к горе, и верно: ни пустельги их не тронули, ни галки.

Стали норку себе по вкусу выбирать: чтобы и не очень глубокая была, и вход пошире. Нашлись такие две рядом.

В одной они гнездо выстроили и Чирика высиживать села, в другой Чик ночевал.

У береговушек, у галок, у соколов — у всех давно уже вывелись птенцы. Одна Чирика терпеливо сидела в тёмной своей норке. Чик с утра до ночи таскал ей туда еду.

Прошло две недели. Рыжий Кот не показывался. Воробьи уж и забыли о нём.

Чик с нетерпением ждал птенцов. Каждый раз, как притаскивал он Чирике червяка или муху, он спрашивал её:

– Тукают?

– Нет ещё, не тукают.

– А скоро будут?

– Скоро, скоро, – терпеливо отвечала Чирика.

Однажды утром Чирика позвала его из норки:

– Лети скорей: один тукнул! Чик сейчас же примчался в гнездо. Тут он услышал, как в одном яйце птенчик чуть слышно тукнул в скорлупу слабым клювиком. Чирика осторожно помогла ему: надломив скорлупку в разных местах.

Прошло несколько минут, и птенчик показался из яйца – крошечный, голый, слепой. На тоненькой-тоненькой шейке моталась большая голая голова.

– Да какой он смешной! – удивился Чик.

– Совсем не смешной! – обиделась Чирика. – Очень хорошенький птенчик. А тебе нечего тут делать, бери вот скорлупки да закинь их куда-нибудь подальше от гнезда.

Пока Чик относил скорлупки, выклевался второй птенчик и начал постукивать третий.

Вот тут-то и началась тревога на Красной горке.

Из своей норки воробьи слышали, как пронзительно вдруг закричали ласточки.

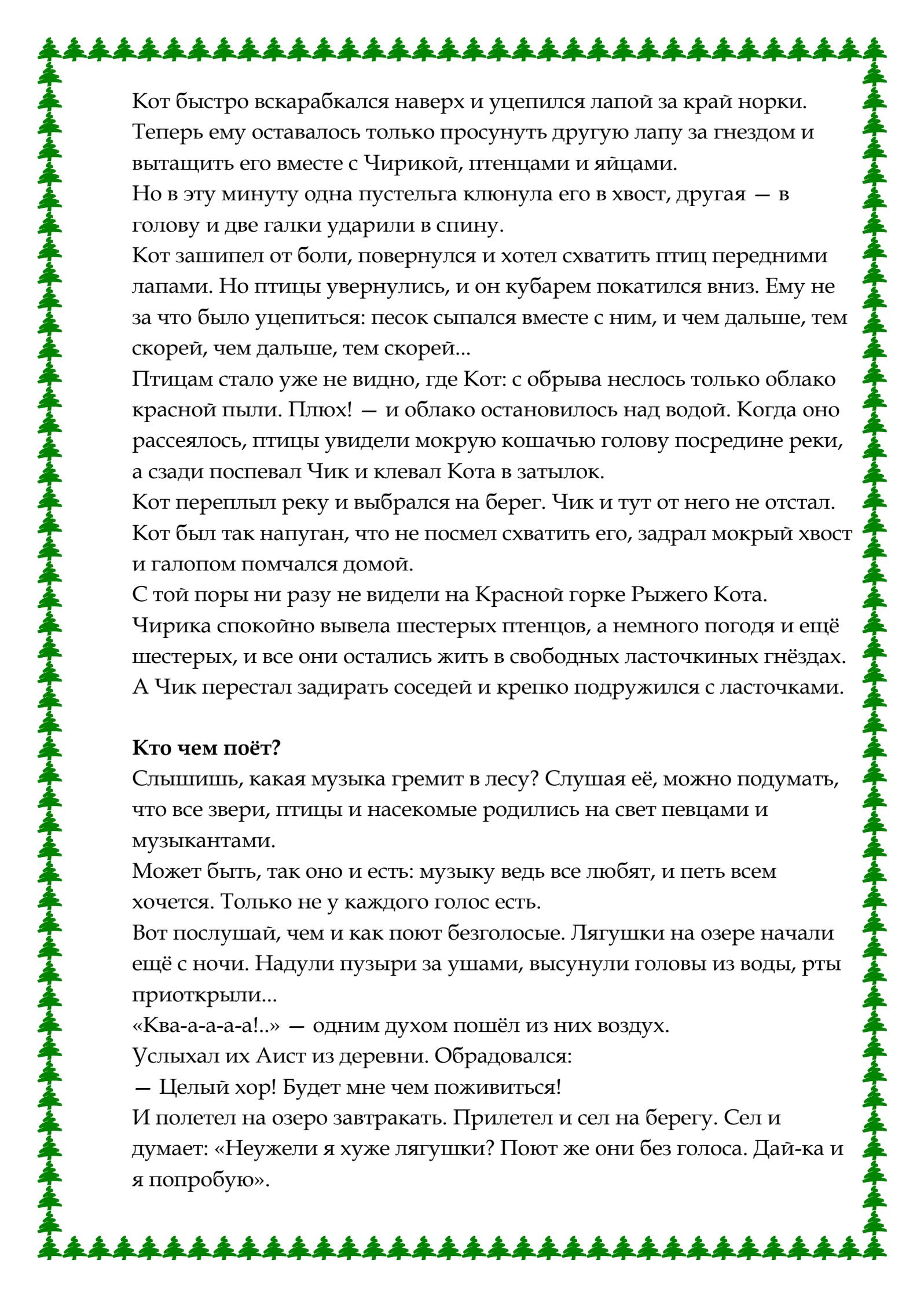
Чик выскочил наружу и сейчас же вернулся с известием, что Рыжий Кот карабкается по обрыву.

– Он видел меня! – кричал Чик. – Он сейчас будет здесь и вытащит нас вместе с птенцами. Скорей, скорей летим прочь отсюда!

– Нет, – грустно ответила Чирика. – Никуда я не полечу от маленьких моих птенчиков. Пусть будет, что будет.

И сколько ни звал Чик, она и с места не тронулась.

Тогда Чик вылетел из норки и стал, как сумасшедший, кидаться на Кота. А Кот лез и лез по обрыву. Тучей вились над ним ласточки, с криком летели на выручку к ним галки и пустельги.

Кот быстро вскарабкался наверх и уцепился лапой за край норки. Теперь ему оставалось только просунуть другую лапу за гнездом и вытащить его вместе с Чирикой, птенцами и яйцами. Но в эту минуту одна пустельга клюнула его в хвост, другая — в голову и две галки ударили в спину. Кот зашипел от боли, повернулся и хотел схватить птиц передними лапами. Но птицы увернулись, и он кубарем покатился вниз. Ему не за что было уцепиться: песок сыпался вместе с ним, и чем дальше, тем скорей, чем дальше, тем скорей...

Птицам стало уже не видно, где Кот: с обрыва несло только облако красной пыли. Плюх! — и облако остановилось над водой. Когда оно рассеялось, птицы увидели мокрую кошачью голову посредине реки, а сзади поспевал Чик и клевал Кота в затылок.

Кот переплыл реку и выбрался на берег. Чик и тут от него не отстал. Кот был так напуган, что не посмел схватить его, задрал мокрый хвост и галопом помчался домой.

С той поры ни разу не видели на Красной горке Рыжего Кота. Чирика спокойно вывела шестерых птенцов, а немного погодя и ещё шестерых, и все они остались жить в свободных ласточкиных гнёздах. А Чик перестал задирать соседей и крепко подружился с ласточками.

Кто чем поёт?

Слышишь, какая музыка гремит в лесу? Слушая её, можно подумать, что все звери, птицы и насекомые родились на свет певцами и музыкантами.

Может быть, так оно и есть: музыку ведь все любят, и петь всем хочется. Только не у каждого голос есть.

Вот послушай, чем и как поют безголосые. Лягушки на озере начали ещё с ночи. Надули пузыри за ушами, высунули головы из воды, рты приоткрыли...

«Ква-а-а-а!...» — одним духом пошёл из них воздух.

Услыхал их Аист из деревни. Обрадовался:

— Целый хор! Будет мне чем поживиться!

И полетел на озеро завтракать. Прилетел и сел на берегу. Сел и думает: «Неужели я хуже лягушки? Поют же они без голоса. Дай-ка и я попробую».

Поднял длинный клюв, застучал, затрещал одной его половинкой о другую, то тише, то громче, то реже, то чаще: трещотка трещит деревянная, да и только! Так разошёлся, что и про завтрак свой забыл. А в камышах стояла Выпь на одной ноге, слушала и думала: «Безголосая я цапля! Да ведь и Аист — не певчая птичка, а вон какую песню наигрывает».

И придумала: «Дай-ка на воде сыграю!»

Сунула в озеро клюв, набрала полный воды да как дунет в клюв!

Пошёл по озеру громкий гул:

«Прумб-бу-бу-бумм!..» — словно бык проревел.

«Вот так песня! — подумал Дятел, услышав Выпь из лесу. —

Инструмент-то у меня найдётся: чем дерево не барабан, а нос мой чем не палочка?»

Хвостом упёрся, назад откинулся, размахнулся головой — как задолбит носом по суку!

Точь-в-точь — барабанная дробь.

Вылез из-под коры Жук с предлинными усами.

Закрутил, закрутил головой, заскрипела его жёсткая шея тоненький-тоненький писк послышался.

Пищит усач, а всё напрасно; никто его писка не слышит. Шею натрудил — зато сам своей песней доволен.

А внизу, под деревом, из гнезда вылез Шмель и полетел петть на лужок.

Вокруг цветка на лужку кружит, жужжит жилковатыми жёсткими крылышками, словно струна гудит.

Разбудила шмелиная песня зелёную Саранчу в траве.

Стала Саранча скрипочки налаживать. Скрипочки у неё на крылышках, а вместо смычков — длинные задние лапки коленками назад. На крыльях — зубринки, а на ножках зацепочки.

Трёт себя Саранча ножками по бокам, зубринками за цепочки задевает стрекочет.

Саранчи на лугу много: целый струнный оркестр.

«Эх, — думает долгоносый Бекас под кочкой, — надо и мне спеть!

Только вот чем? Горло у меня не годится, нос не годится, шея не годится, крылышки не годятся, лапки не годятся... Эх! Была не была, — полечу, не смолчу, чем-нибудь да закричу!»

Выскочил из-под кочки, взвился, залетел под самые облака. Хвост раскрыл веером, выпрямил крылышки, перевернулся носом к земле и понёсся вниз, переворачиваясь с боку на бок, как брошенная с высоты дощечка. Головой воздух рассекает, а в хвосте у него тонкие, узкие пёрышки ветром перебирает.

И слышно с земли: будто в вышине барашек запел, заблеял.

А это Бекас.

Отгадай, чем он поёт?

Хвостом!

Купание медвежат

Наш знакомый охотник шёл берегом лесной реки и вдруг услышал громкий треск сучьев. Он испугался и влез на дерево.

Из чащи вышли на берег большая бурая медведица и с ней два весёлых медвежонка. Медведица схватила одного медвежонка зубами за шиворот и давай окунать в речку.

Медвежонок визжал и барахтался, но мать не выпускала его, пока хорошенько не выполоскала в воде.

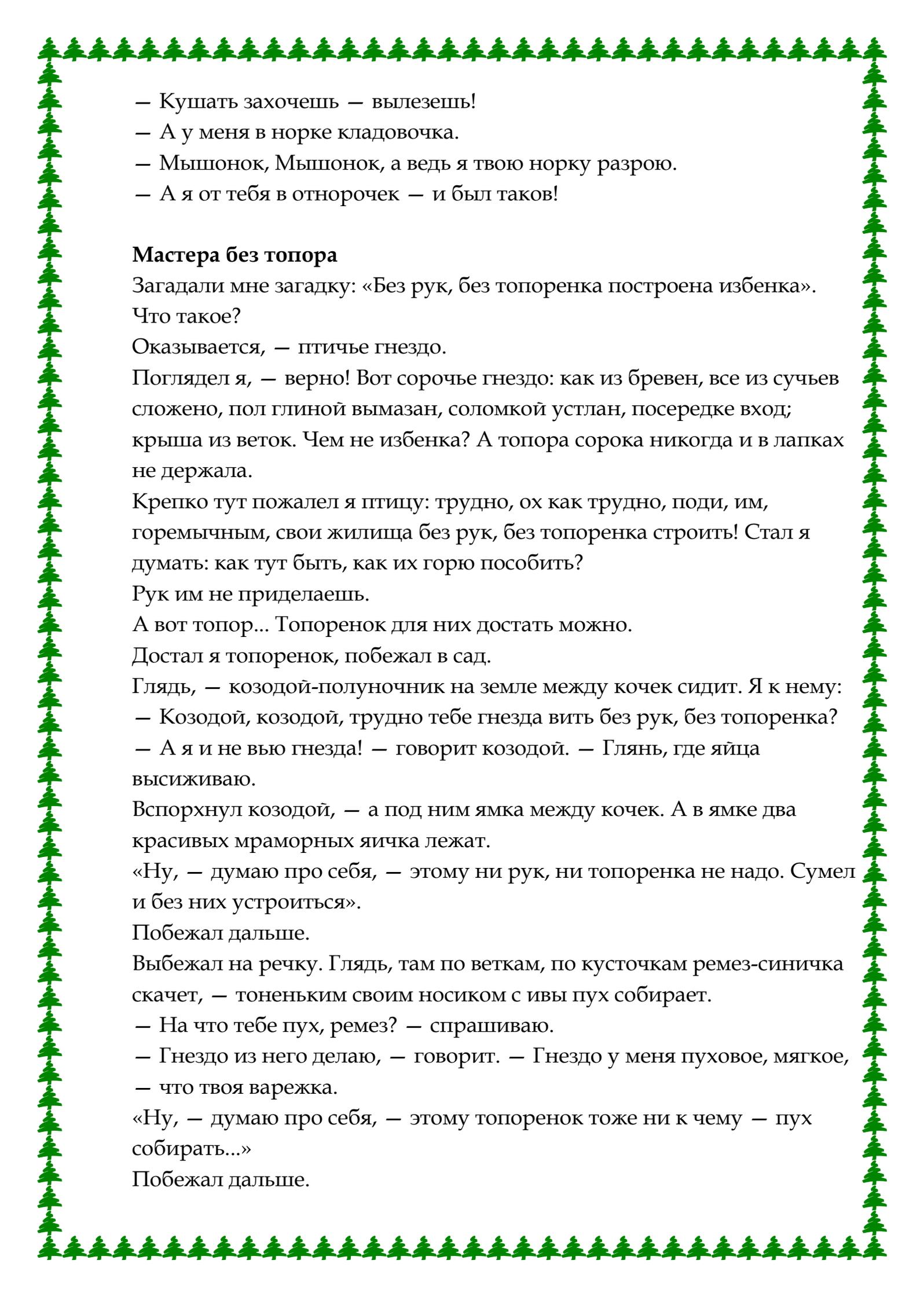
Другой медвежонок испугался холодной ванны и пустился удирать в лес.

Мать догнала его, надавала шлепков, а потом — в воду, как первого.

Очутившись снова на земле, оба медвежонка остались очень довольны купанием: день был знойный, и им было очень жарко в густых лохматых шубках. Вода хорошо освежила их. После купания медведи опять скрылись в лесу, а охотник слез с дерева и пошёл домой.

Лис и мышонок

- Мышонок, Мышонок, отчего у тебя нос грязный?
- Землю копал.
- Для чего землю копал?
- Норку делал.
- Для чего норку делал?
- От тебя, Лис, прятаться.
- Мышонок, Мышонок, я тебя подстерегу!
- А у меня в норке спаленка.

-
- Кушать захочешь — вылезешь!
  - А у меня в норке кладовочка.
  - Мышонок, Мышонок, а ведь я твою норку разрою.
  - А я от тебя в отнорочек — и был таков!

Мастера без топора

Загадали мне загадку: «Без рук, без топоренка построена избенка».

Что такое?

Оказывается, — птичье гнездо.

Поглядел я, — верно! Вот сорочье гнездо: как из бревен, все из сучьев сложено, пол глиной вымазан, соломкой устлан, посередке вход; крыша из веток. Чем не избенка? А топора сорока никогда и в лапках не держала.

Крепко тут пожалел я птицу: трудно, ох как трудно, поди, им, горемычным, свои жилища без рук, без топоренка строить! Стал я думать: как тут быть, как их горю пособить?

Рук им не приделаешь.

А вот топор... Топоренок для них достать можно.

Достал я топоренок, побежал в сад.

Глядь, — козодой-полуночник на земле между кочек сидит. Я к нему:

– Козодой, козодой, трудно тебе гнезда вить без рук, без топоренка?

– А я и не вью гнезда! — говорит козодой. — Глянь, где яйца высиживаю.

Вспорхнул козодой, — а под ним ямка между кочек. А в ямке два красивых мраморных яичка лежат.

«Ну, — думаю про себя, — этому ни рук, ни топоренка не надо. Сумел и без них устроиться».

Побежал дальше.

Выбежал на речку. Глядь, там по веткам, по кусточкам ремез-синичка скачет, — тоненьким своим носиком с ивы пух собирает.

– На что тебе пух, ремез? — спрашиваю.

– Гнездо из него делаю, — говорит. — Гнездо у меня пуховое, мягкое, — что твоя варежка.

«Ну, — думаю про себя, — этому топоренок тоже ни к чему — пух собирать...»

Побежал дальше.

Прибежал к дому. Глядь, под коньком ласточка-касаточка хлопочет — гнездышко лепит. Носиком глинку приминает, носиком ее на речке колупает, носиком носит.

«Ну, — думаю, — и тут мой топоренок ни при чем. И показывать его не стоит».

Побежал дальше.

Прибежал в рощу. Глядь, там на елке певчего дрозда гнездо.

Загляденье, что за гнездышко: снаружи все зеленым мхом украшено, внутри — как чашечка гладкое.

— Ты как такое себе гнездышко смастерил? — спрашиваю. — Ты чем его внутри так хорошо отделал?

— Лапками да носом мастерил, — отвечает певчий дрозд. — Внутри все цементом обмазал из древесной трухи со слюночкой со своей.

«Ну, — думаю, — опять я не туда попал. Надо таких искать птиц, что плотничают».

И слышу: «Ту-тук-тук-тук! Тук-тук-тук-тук!» — из лесу.

Я туда. А там дятел.

Сидит на березе и плотничает, душло себе делает — детей выводить. Я к нему:

— Дятел, дятел, стой носом тукать! Давно, поди, голова разболелась.

Гляди, какой я тебе инструмент принес: настоящий топоренок!

Поглядел дятел на топоренок и говорит:

— Спасибо, только мне твой инструмент ни к чему. Мне и так плотничать ладно: лапками держусь, на хвост обопрюсь, пополам согнусь, головой размахнусь, — носом ка-ак стукну! Только щепки летят да труха!

Смутил меня дятел: птицы-то, видно, все — мастера без топора.

Тут увидел я гнездо орла. Большущая куча столстых сучьев на самой высокой сосне в лесу.

«Вот, — думаю, кому топор-то нужен: сучья рубить!»

Подбежал к той сосне, кричу:

— Орел, орел! А я тебе топоренок принес!

Рознял орел крылья и клекочет:

— Вот спасибо, парнишка! Кинь свой топоренок в кучу. Я сучков на него еще навалю — прочная будет постройка, доброе гнездо.

Первая охота

Надоело Щенку гонять кур по двору.

«Пойду-ка, — думает, — на охоту за дикими зверями и птицами».

Шмыгнул в подворотню и побежал по лугу.

Увидели его дикие звери, птицы и насекомые и думают каждый про себя.

Выпь думает: «Я его обману!»

Удод думает: «Я его удивлю!»

Вертишейка думает: «Я его напугаю!»

Ящерка думает: «Я от него вывернусь!»

Гусеницы, бабочки, кузнечики думают: «Мы от него спрячемся!»

«А я его прогорю!» — думает Жук-Бомбардир.

«Мы все за себя постоять умеем, каждый по-своему!» — думают они про себя. А Щенок уже побежал к озерку и видит: стоит у камыша Выпь на одной ноге по колено в воде.

«Вот я ей сейчас поймаю!» — думает Щенок и совсем уж приготовился прыгнуть ей на спину.

А Выпь глянула не него и шагнула в камыш.

Ветер по озеру бежит, камыш колышет. Камыш качается взад-вперед, взад-вперед. У Щенка перед глазами желтые и коричневые полосы качаются взад-вперед, взад-вперед.

А Выпь стоит в камыше, вытянулась — тонкая-тонкая, и вся в желтые и коричневые полосы раскрашена. Стоит, качается взад-вперед, взад-вперед.

Щенок глаза выпучил, смотрел, смотрел — не видит Выпи в камыше.

«Ну, думает, — обманула меня Выпь. не прыгать же мне в пустой камыш! Пойду другую птицу поймаю». Выбежал на пригорок, смотрит: сидит на земле Удод, хохлом играет, — то развернет, то сложит. «Вот я на него сейчас с пригорка прыгну!» думает Щенок.

А Удод припал к земле, крылья распластал, хвост раскрыл, клюв вверх поднял.

Смотрит Щенок: нет птицы, а лежит на земле пестрый лоскут и торчит из него кривая игла. Удивился щенок: «Куда же Удод девался? Неужели я эту пеструю тряпку за него принял? Пойду поскорей

маленькую птичку поймаю». Подбежал к дереву и видит: сидит на ветке маленькая птица Вертишейка.

Кинулся к ней, а Вертишейка юрк в дупло. «Ага! — думает Щенок. Попалась!» Поднялся на задние лапы, заглянул в дупло, а в черном дупле черная змея извивается и страшно шипит. Отшатнулся Щенок, шерсть дыбом поднял — и наутек.

А Вертишейка шипит ему вслед из дупла, головой крутит, по спине у нее змейкой извивается полоска черных перьев.

«Уф! напугала как! Еле ноги унес. Больше не стану на птиц охотиться. Пойду лучше Ящерку поймаю».

Ящерка сидела на камне, глаза закрыла, грелась на солнышке.

Тихнько к ней подкрался Щенок, — прыг! — и ухватил за хвост. А Ящерка извернулась, хвост в зубах у него оставила, сама — под камень! Хвост в зубах у Щенка извивается. Фыркнул Щенок, бросил хвост — и за ней. Да куда там! Ящерка давно под камнем сидит, новый хвост себе отращивает.

«У, — думает Щенок, — уж если Ящерка и та от меня вывернулась, так я хоть насекомых наловлю». Посмотрел кругом, а по земле жуки бегают, в траве кузнечики прыгают, по веткам гусеницы ползают, по воздуху бабочки летают.

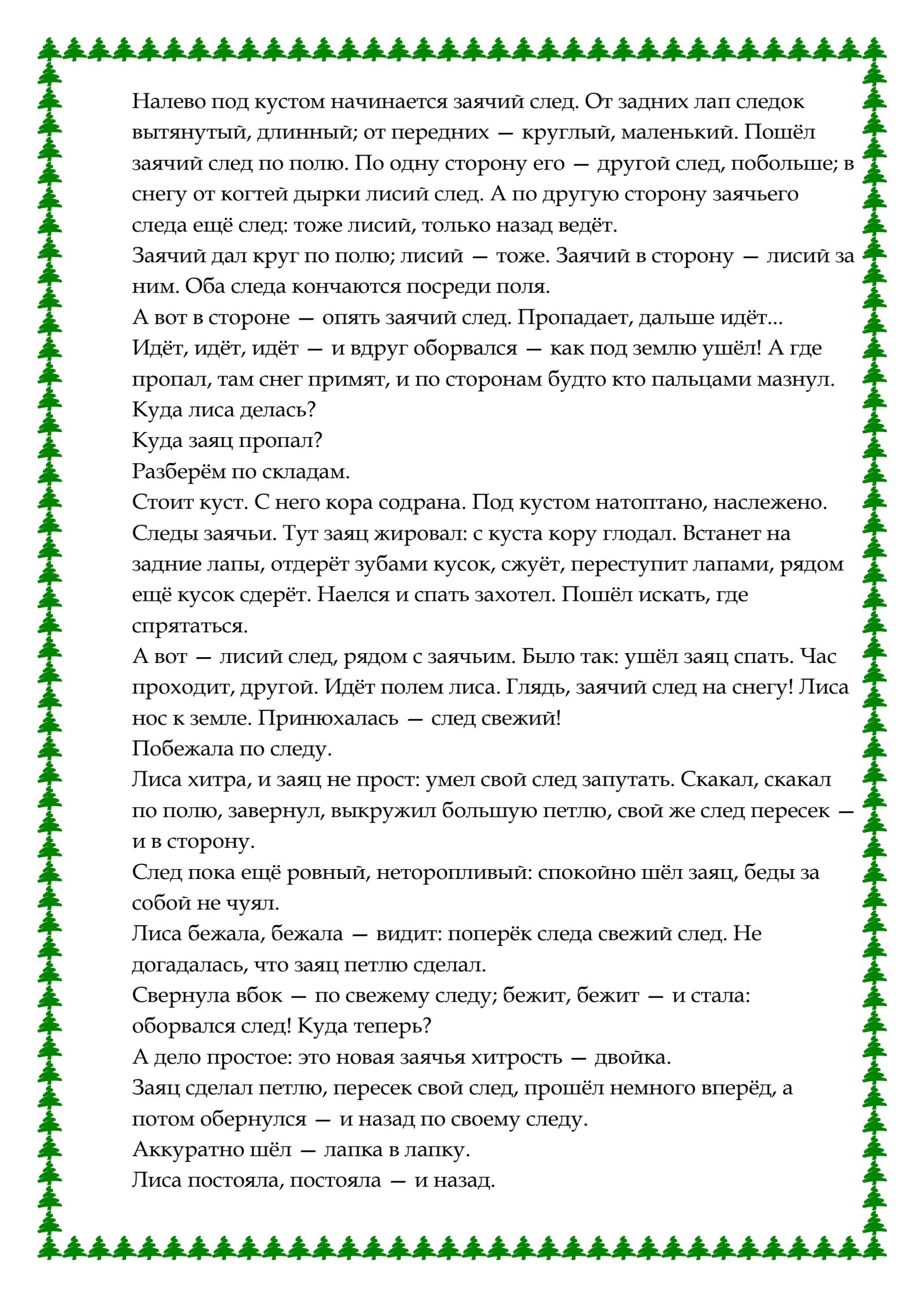
Бросился Щенок ловить их, и вдруг — стало кругом, как на загадочной картинке, все тут, а никого не видно — спрятались все. Зеленые кузнечики в зеленой траве притаились.

Гусеницы на веточках вытянулись и замерли, — их от сучков не отличишь. Бабочки сели на деревья, крылья сложили, — не разберешь, где кора, где листья, где бабочки. Один крошечный Жук-Бомбардир идет себе по земле, никуда не прячется. Догнал его Щенок, хотел схватить, а Жук-Бомбардир остановился, да как пальнет в него летучей едкой стружкой — прямо в нос попал!

Взвизгнул Щенок, хвост поджал, повернулся — да через луг, да в подворотню. Забился в конкуру и нос высунуть боится. А звери, птицы и насекомые — все опять за свои дела принялись.

Снежная книга

Набродили, наследили звери на снегу. Не сразу поймёшь, что тут было.

Налево под кустом начинается заячий след. От задних лап следок вытянутый, длинный; от передних — круглый, маленький. Пошёл заячий след по полю. По одну сторону его — другой след, побольше; в снегу от когтей дырки лисий след. А по другую сторону заячьего следа ещё след: тоже лисий, только назад ведёт.

Заячий дал круг по полю; лисий — тоже. Заячий в сторону — лисий за ним. Оба следа кончаются посреди поля.

А вот в стороне — опять заячий след. Пропадает, дальше идёт...

Идёт, идёт, идёт — и вдруг оборвался — как под землю ушёл! А где пропал, там снег примят, и по сторонам будто кто пальцами мазнул.

Куда лиса делась?

Куда заяц пропал?

Разберём по складам.

Стоит куст. С него кора содрана. Под кустом натоптано, наслежено.

Следы заячьи. Тут заяц жировал: с куста кору глодал. Встанет на задние лапы, отдерёт зубами кусок, сжуёт, переступит лапами, рядом ещё кусок сдерёт. Наелся и спать захотел. Пошёл искать, где спрятаться.

А вот — лисий след, рядом с заячьим. Было так: ушёл заяц спать. Час проходит, другой. Идёт полем лиса. Глядь, заячий след на снегу! Лиса нос к земле. Принюхалась — след свежий!

Побежала по следу.

Лиса хитра, и заяц не прост: умел свой след запутать. Скакал, скакал по полю, завернул, выкружил большую петлю, свой же след пересек — и в сторону.

След пока ещё ровный, неторопливый: спокойно шёл заяц, беды за собой не чуял.

Лиса бежала, бежала — видит: поперёк следа свежий след. Не догадалась, что заяц петлю сделал.

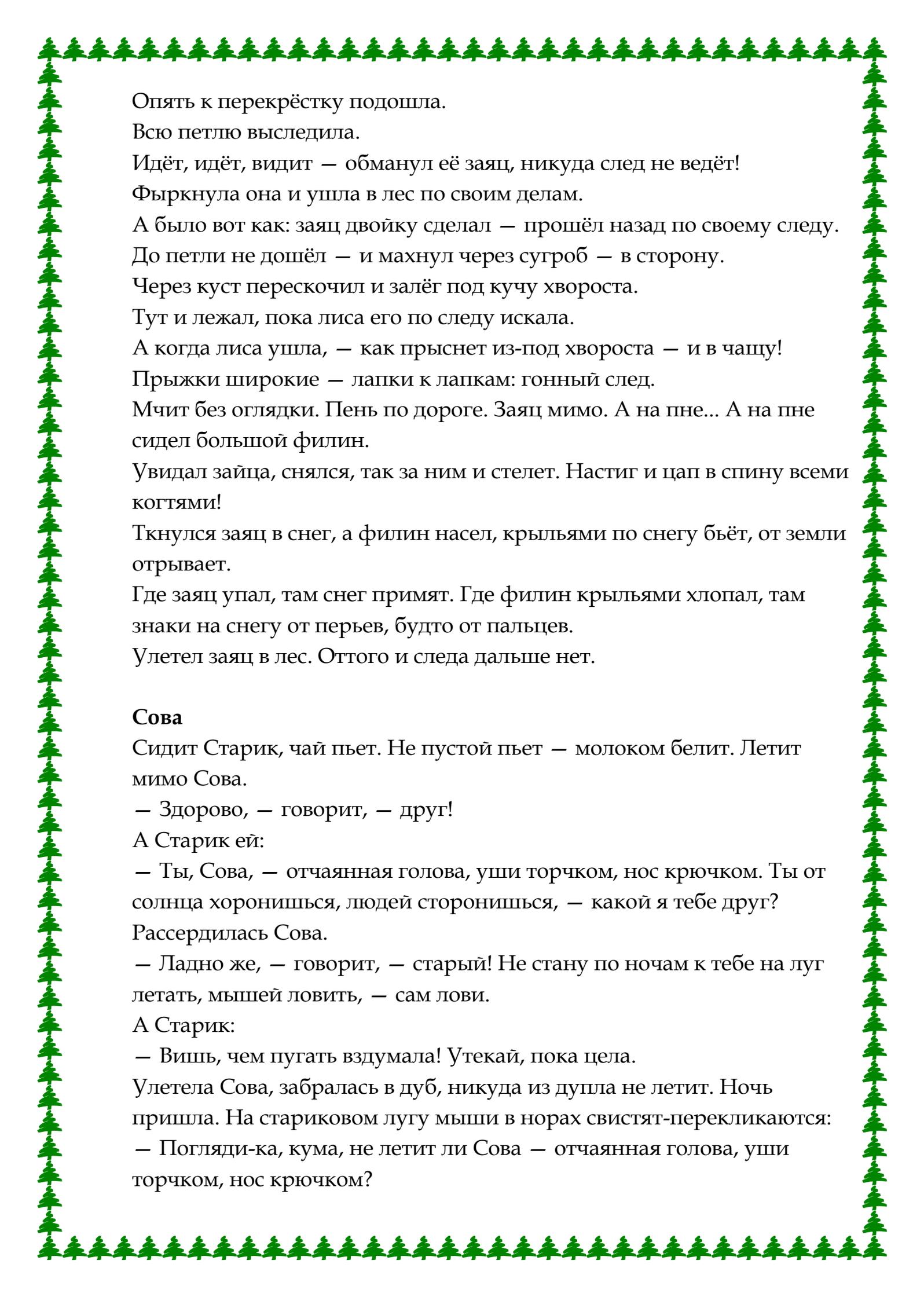
Свернула вбок — по свежему следу; бежит, бежит — и стала: оборвался след! Куда теперь?

А дело простое: это новая заячья хитрость — двойка.

Заяц сделал петлю, пересек свой след, прошёл немного вперёд, а потом обернулся — и назад по своему следу.

Аккуратно шёл — лапка в лапку.

Лиса постояла, постояла — и назад.

Опять к перекрёстку подошла.
Всю петлю выследила.
Идёт, идёт, видит — обманул её заяц, никуда след не ведёт!
Фыркнула она и ушла в лес по своим делам.
А было вот как: заяц двойку сделал — прошёл назад по своему следу.
До петли не дошёл — и махнул через сугроб — в сторону.
Через куст перескочил и залёг под кучу хвороста.
Тут и лежал, пока лиса его по следу искала.
А когда лиса ушла, — как прыснет из-под хвороста — и в чашу!
Прыжки широкие — лапки к лапкам: гонный след.
Мчит без оглядки. Пень по дороге. Заяц мимо. А на пне... А на пне сидел большой филин.
Увидал зайца, снялся, так за ним и стелет. Настиг и цап в спину всеми когтями!
Ткнулся заяц в снег, а филин насел, крыльями по снегу бьёт, от земли отрывает.
Где заяц упал, там снег примят. Где филин крыльями хлопал, там знаки на снегу от перьев, будто от пальцев.
Улетел заяц в лес. Оттого и следа дальше нет.

Сова

Сидит Старик, чай пьёт. Не пустой пьёт — молоком белит. Летит мимо Сова.
— Здорово, — говорит, — друг!
А Старик ей:
— Ты, Сова, — отчаянная голова, уши торчком, нос крючком. Ты от солнца хоронишься, людей сторонись, — какой я тебе друг?
Рассердилась Сова.
— Ладно же, — говорит, — старый! Не стану по ночам к тебе на луг летать, мышей ловить, — сам лови.
А Старик:
— Вишь, чем пугать вздумала! Утекай, пока цела.
Улетела Сова, забралась в дуб, никуда из дупла не летит. Ночь пришла. На стариковом лугу мыши в норах свистят-перекликаются:
— Погляди-ка, кума, не летит ли Сова — отчаянная голова, уши торчком, нос крючком?

Мышь Мыши в ответ:

— Не видать Совы, не слышать Совы. Нынче нам на лугу раздолье,
нынче нам на лугу приволье.

Мыши из нор поскакали, мыши по лугу побежали.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы худа не вышло: мыши-то, говорят,
на охоту пошли.

— А пускай идут, — говорит Старик. — Чай, мыши не волки, не
зарезут тёлки.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнезда ищут, землю роют, шмелей
ловят.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: все шмели твои
разлетелись.

— А пускай летят, — говорит Старик. — Что от них толку: ни меду, ни
воску — волдыри только.

Стоит на лугу клевер кормовистый, головой к земле виснет, а шмели
гудят, с луга прочь летят, на клевер не глядят, цветень с цветка на
цветок не носят.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: не пришлось бы
тебе самому цветень с цветка на цветок переносить.

— И ветер разнесет, — говорит Старик, а сам в затылке скребет.

По лугу ветер гуляет, цветень наземь сыплет. Не попадает цветень с
цветка на цветок, — не родится клевер на лугу; не по нраву это
Старику.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Корова твоя мычит, клеверу просит, — трава,
слышь, без клеверу, что каша без масла.

Молчит Старик, ничего не говорит.

Была Корова с клевера здорова, стала Корова тощать, стала молока
сбавлять: пойло лижет, а молоко все жиже да жиже.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Говорила я тебе: придешь ко мне кланяться.

Старик бранится, а дело-то не клеится. Сова в дубу сидит, мышей не
ловит.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнезда ищут. Шмели на чужих лугах гуляют, а на стариков луг и не заглядывают. Клевер на лугу не родится. Корова без клевера тощает. Молока у Коровы мало. Вот и чай белить Старику нечем стало.

Нечем стало Старику чай белить, — пошел Старик Сове кланяться:
— Уж ты, Совушка-вдовушка, меня из беды выручай: нечем стало мне, старому, белить чай.

А Сова из дупла глазищами луп-луп, ножищами туп-туп.

— То-то, — говорит, — старый. Дружно не грузно, а врозь хоть брось. Думаешь, мне-то легко без твоих мышей?

Простила Сова Старика, вылезла из дупла, полетела на луг мышей ловить.

Мыши со страху попрятались в норы.

Шмели загудели над лугом, принялись с цветка на цветок летать.

Клевер красный стал на лугу наливатся.

Корова пошла на луг клевер жевать.

Молока у Коровы много.

Стал Старик молоком чай белить, чай белить — Сову хвалить, к себе в гости звать, уваживать.

Хитрый лис и умная Уточка

Очень. Хитрый Лис думает: «Утки в отлет собрались. Дай-ка схожу на речку — утятинкой раздобудусь!». Подкрался из-за куста, видит: правда, целая стая уток у берега. Одна Уточка стоит под самым кустом, лапкой перья в крыле перебирает. Лис хватить ее за крыло! Со всех силенок рванулась Уточка. Оставила перья у Лиса в зубах. «Ах ты!.. — Лис думает. — Вырвалась как...» Стая всполошилась, поднялась на крыло и улетела. А эта Уточка осталась: крыло у нее сломано, перья вырваны. Она спряталась в камышах, подальше от берега. Ушел Лис ни с чем.

Зима. Хитрый Лис думает: «Замерзло озеро. Теперь Уточка — моя, никуда от меня не денется: по снегу куда ни пойдет, — наследит, — по следу ее и найду». Пришел на речку, — верно: лапки с перепонками наследили на снегу у берега. А сама Уточка под тем же кустом сидит, распушилась вся. Тут ключ из-под земли бьет, не дает льду намерзнуть, — теплая полынья, и пар от нее идет. Кинулся Лис на

Уточку, а Уточка – нырк от него! – и ушла под лед. «Ах ты!.. – Лис думает. – Утопилась ведь...» Ушел ни с чем.
Весна. Хитрый Лис думает: «Тает лед на речке. Пойду мерзлой утятинкой полакомлюсь». Пришел, а Уточка плавает под кустом – жива, здоровехонька! Она тогда нырнула под лед и выскочила в полынью – под другим берегом: там тоже бил ключ. Так всю зиму и прожила. «Ах ты!.. – Лис думает. – Стой же, сейчас за тобой в воду кинусь...» – Зря, зря, зря! – закричала Уточка. Порх с воды и улетела. За зиму-то у нее крыло зажило и новые перышки отросли.

По материалам сайта <https://www.tikitoki.ru/rassказы-dlya-detey/vitalij-bianki-rassказы-dlja-detey-o-prirode>

На сайте можно посмотреть мультфильм «Высокая горка» и послушать сказку «Мышонок и лис»

Послушать рассказы можно на сайте <http://oli.ru/детские-рассказы/бианки-виталий>

<http://chudo-kit.ru/детские-рассказы/бианки-виталий>